

Радиостанция
«Говорит Москва»
и издательство
«Этерна»
представляют



Александр Васильев рассказывает...



диск в подарок

Александр Васильев рассказывает...



Александр
Васильев
рассказывает...

 **ЭТЕРНА**
Москва, 2009

УДК 391
ББК 37.2
В19

На переплете – Александр Васильев, 2008
Фото из архивов ТД «Библио-Глобус»

Васильев, Александр

В19 Александр Васильев рассказывает... –
М.: Этерна, Говорит Москва, 2009. – 104 с.: ил.

ISBN 978-5-480-00208-9

Александр Васильев – блестящий рассказчик, чьи выступления в СМИ всегда привлекают огромную аудиторию. В книге и на диске воспроизведены эфиры авторской радиопередачи Ирины Кленской на радио «Говорит Москва». Узнаваемый голос и текст, от которых невозможно оторваться, а также богатый иллюстративный материал делают уникальным это издание. Читайте, смотрите, слушайте!

**УДК 391
ББК 37.2**

© А. А. Васильев, 2009
© А. А. Васильев, фотографии
из личного архива, 2009
© Радиостанция «Говорит Москва»,
интервью, 2009
© Н. Яременко, предисловие, 2009
© ООО «Издательство «Этерна»,
оформление, 2009

ISBN 978-5-480-00208-9

Содержание

Н. Яременко. Модный эфир 7

Я всегда очень тепло отношусь к актрисам... 8

Каждому возрасту – своя красота 30

Семья сыграла главную роль
в становлении моей личности... 42

Исчезает все, но искусство остается 54

Формула счастья Кристиана Диора 76

Связь времен 92



В основе книги и диска —
эфир авторской
радиопередачи
журналиста
Ирины Кленской
на радиостанции
«Говорит Москва»
92,0 FM



Модный эфир

Как главный редактор информационной радиостанции должен признать: сегодня в эфирной сетке обязательно представление программы или рубрики на тему моды. На разных волнах то и дело слышишь рассказы о том, «что носят в этом сезоне», какие цвета и направления в моде, беспрестанно употребляются слова «стиль», «гламур» и, прости господи, «модный тренд».

Радиостанции «Говорит Москва» в этом смысле несказанно повезло. Нам не пришлось ничего выдумывать, чтобы, по сути, в очередной раз перелицевать все тот же много раз шитый кафтан. Ведущая нашего вечернего эфира Ирина Кленская обладает уникальным талантом притягивать к себе ярких, незаурядных собеседников. Эта ее удивительная способность по достоинству оценена слушателями – Ирина признана лучшим журналистом Москвы 2006 года по версии Союза журналистов. На этот раз в орбиту ее магнетизма был втянут Александр Васильев, человек, имя которого в сознании очень многих наших соотечественников неразрывно связано с историей моды.

Когда Александр Васильев только усаживается у микрофона, уже в этот момент начинаешь переживать, что радио – искусство не визуальное, а акустическое. Движение глаз, ироничная улыбка, взмах руки – все ярко и отточенно сопровождает увлекательный рассказ. Но когда я читаю то, что слышал в эфире, на страницах книги, мне почему-то кажется, что все виденное мной из аппаратной радиоэфира легло на бумагу без потерь. Мода – это своеобразная форма свободы слова. Мода охватывает не только одежду, но также и аксессуары, драгоценности, прически, критерии красоты, макияж и многое другое. Для людей это некий культурный код, своеобразная стенограмма, по которой можно прочесть историю и современность. Передачи Александра Васильева на радио «Говорит Москва» этому точно помогают.



Николай Яременко,
главный редактор
радиостанции «Говорит Москва»
92,0 FM



Я всегда очень тепло
отношусь к актрисам...





Я всегда очень тепло
отношусь к актрисам, какой
бы характер они ни имели.
Я ценю их творчество,
ту радость, которую
они дарят публике.
Это абсолютно не сравнимо
ни с чем, ни с какими
их человеческими
качествами, пороками
или капризами,
это их личное дело.
Нам они дарят радость
мечты, общения, красоты,
таланта.



Мои родители



Моя мама была актрисой, впоследствии педагогом сценической речи, профессором в Школе-студии МХАТ, а отец – знаменитым в советскую эпоху театральным художником, членом-корреспондентом Академии художеств.

Папа работал главным художником в Театре им. Моссовета. Детских спектаклей там почти не шло, поэтому ребенком меня туда и не брали. Хотя я помню сказку про девочку и людоедку, которую играла артистка Этель Ковенская. На меня произвело большое впечатление – тетя Эта в роли людоедки, это было сильно! Помню артистку Наталью Богунову в спектакле «Сказка о девочке Неудаче», она потом как-то незаметно сошла со сцены, но была в свое время большая звезда. Все проходит...

Конечно, я помню многие премьеры и юбилей театра. Это было незабываемо! Артистки пришли в костюмах от Зайцева, и больше всех мне понравилась Татьяна Бестаева. Я был ребенком, а помню до сих пор: платье с корсетом, переплетенным, как корзинка, лентами ткани, на голое тело. Она проходила мимо меня, я видел ее грудь через это переплетение и думал, что она самая красивая женщина на свете. А когда много раз подтянутая Любовь Петровна Орлова, в парике, вышла и села на сцене, раздались такие оглушительные аплодисменты, что я был, конечно, поражен.

Мне казалось, что Детский театр, где играла мама, был для детей, а взрослый, где работал папа, – для взрослых. Родители очень меня оберегали. И даже многие знаменитые спектакли моего папы, например постановка «Петербургских сновидений» с Г. Бортниковым, сделанная в конце 1960-х годов, были недоступны мне. Родители говорили, что я слишком мал для Достоевского. Потом я уже видел пьесы Островского – «Последнюю жертву», «Лес», который мой папа оформил в Малом театре для знаме-



Татьяна Бестаева, 1966



Звезды театра и кино:

Любовь Петровна Орлова, Вера Петровна Марецкая, Фаина Георгиевна Раневская

нитого Игоря Ильинского, с гигантской, потрясающей панорамой в шестьдесят метров. Она все ехала, ехала и ехала, пока Счастливец и Несчастливцев шли по лесу. Это было так прекрасно, зал замирал.

Помню встречи с Любовью Петровной Орловой, когда меня ребенком привели в театр и познакомили с ней. Сейчас многие спрашивают: «Что она вам рассказывала?» Да что она могла мне, ребенку, рассказать? Она меня погладила по головке и сказала: «Какой милый мальчик!» Некая связь времен прослеживается в том, что я с этой легендой встречался, но она меня не сажала к себе на колени, не рассказывала свою жизнь от начала до конца, ничего такого не было.

В Театре им. Моссовета работали три знаменитые звезды – Любовь Орлова, Вера Марецкая и Фаина Раневская. И в детстве я был знаком с ними, видел их на репетиции, и, конечно, они приходили к папе на открытие выставок.

Хотя я родился при Хрущеве и принадлежу по возрасту к другому поколению, мне посчастливилось знать многих звезд сталинской эпохи. Это время подарило очень много ярких образов в кино, балете, опере и на эстраде. Звезды той поры возводились на пьедестал невероятной, всенародной славы в огромном многомиллионном государстве, но многих столь же быстро с него и низвергали. Примером может служить карьера кинозвезды Зои Федоровой, которая блеснула, но... полюбила американца и попала в сталинские лагеря на долгие годы и уже после возвращения, кроме эпизодических комических ролей, ничего не играла.

Или другая знаменитая звезда, Татьяна Окуневская – великолепная красавица, талантливая актриса более десяти лет провела



Зоя Федорова, 1940



Татьяна Окуневская,
1940-е гг.



Солистка оперы Вера Давыдова,
ок. 1947

в лагерях на лесоповале. Когда она вышла на свободу, ее все забыли, и только на старости лет, благодаря ее великолепной книге «Татьянин день», впервые изданной в Москве в 1998 году, о ней вспомнили. С Окуневской я общался только по телефону. Она многое пережила, была умна.

Про красавицу Веру Давыдову, трижды лауреата Сталинской премии, известно, что она была любовницей Сталина. Сталинская премия – это аналог сегодняшней Государственной премии. По тем временам это огромные деньги, и чтобы дать певице трижды Сталинскую премию, ее надо очень любить. Вот такие разные судьбы!

В моих детских воспоминаниях артистки были прекрасны, удивительны. Любовь Орлова – как диво дивное! Всегда в парике, сильно подтянутое лицо, незакрывающиеся глаза, потому что она сделала так много подтяжек, что напоминала Людмилу Гурченко сегодня, и Людмила Гурченко – это и есть Любовь Орлова сегодняшнего дня. Она была стройна, элегантна, прекрасно шила, никогда не покупала ничего ни в каких домах моды, потому что все делала на живую нитку. Это мне рассказывала ее приятельница, актриса Клара Лучко, с которой они ездили на фестиваль в Канн. Клара пришла в номер к Любове Петровне, а та на руках дошивала себе кружевное платье, чтобы выглядеть королевой в Каннах. Она отлично кроила, была очень рукодельная. Дома у нее стоял манекен, мне мама рассказывала. Мама была у нее на да-



Любовь Орлова



Людмила Гурченко

че и видела, как Любовь Петровна накалывала и сочиняла шляпки. Орлова хорошо готовила, любила это делать. Хотя и говорят, что она придерживалась какой-то суровой диеты, моей маме она рассказала рецепт фаршированного перчика с сыром и мясом.

Любовь Петровна была звездой трофейного типа. Она носила вуалетку, меха, подкладные плечики. Я не имею права ее критиковать, другой у нас не было. Но если вы посмотрите ее фильмы, например «Цирк», где она раздевается, фигурка – конечно, не Голливуд. У нее был очень обширный гардероб, который, к сожалению, весь пропал. Все вещи Любви Петровны оказались разбазарены. Сегодня на моих горизонтах не виднеется ни одного ее платья. Однажды какая-то из ее родственниц мне сообщила, что у нее есть шляпка Орловой. Я обрадовался, но она сказала: «Не отдам». Что поделаешь...

Как-то мне попались виртуально две пары ее туфель. Одну я нашел в Грузии у балерины Нины Ананишвили, которой какая-то поклонница подарила туфли Любви Петровны Орловой, серебряные с перепонками. И что же? Ниночка сказала, что они ей были малы, их передарили кому-то, выкинули. Почему? Ответ один – музея моды нет, негде хранить. И вторые я нашел в Израиле, у актрисы Московского театра им. Моссовета Этель Ковенской, ее подруги. В свое время Любовь Петровна подарила ей серебряные туфли из кинофильма «Цирк», в которых она танцует на пушке: «Диги-диги-ду, диги-диги-ду, я из пушки в небо уйду».

Есть множество бесценных реликвий, которые мы, к сожалению, не собираем. Потомки наши будут страдать, что нет такого места, куда можно прийти и посмотреть шляпки, принадлежавшие Вере Петровне Марецкой. Она была одно время женой Ю. Завадского, главного режиссера Театра им. Моссовета, а я был очень дружен с ее сыном, который тоже работал с моим папой. У Веры Петровны была потрясающая коллекция шляп. Конечно, это не голливудская коллекция, но для СССР очень много. Я связался с ее дочерью, которая сейчас живет в Эстонии, и поинтересовался, сохранились ли хоть какие-то шляпы ее мамы. Она сказала так: «Мне надо было сдать срочно квартиру в Москве иностранцам, чтобы получать ренту. Когда я ее освобождала, я вынесла все шляпки на помойку. Может быть, их кто-то подобрал». Конечно, все может быть, но никто не знает и никогда не будет знать, чьи они.

Такая же участь сейчас ждет гардероб актрисы Лидочки Смирновой, звезды сталинской эпохи, которая недавно скончалась. Я разговаривал с ее племянницей по телефону, она только начинала разбирать квартиру. Надеюсь, что племянница будет мила и скажет: «Александр, я не вынесу на помойку эти платья, туфли,



Вера Марецкая, 1952



Лидия Смирнова, 1947



Галина Уланова, 1952



Клара Лучко, 1950-е гг.



Марина Ладынина, 1950-е гг.

шляпки. Давайте, я передам их в ваш музей. Вы можете это сохранить, передать потомкам, рассказать об этом стиле в книгах и телефильмах». Но, к сожалению...

Многие звезды тех лет к старости не любили выходить на люди. Они хотели оставаться вечно молодыми, и каждое новое общение было им в тягость. Я знал, конечно же, Галину Сергеевну Уланову. Два ее платья есть у меня в коллекции. Про нее говорили, что она была не модница, но в ее гардеробе я не нашел ни одной плохой вещи, все – только исключительного качества.

Многие актрисы сталинской эпохи жили в высотном доме на Котельнической набережной: Галина Уланова, Марина Ладынина, Лидочка Смирнова, Клара Лучко. Некоторые дружили, некоторые нет. Одна из жительниц этого дома мне всегда говорила: «А вот пошла Клара Лучко с та-а-а-ким количеством пакетов молока...» Она принимала молочные ванны, что, конечно, в Советском Союзе считалось о каком декадансом!

В действительности звезда должна ухаживать за своим лицом, телом, волосами. А эти бедные женщины не имели ни персональных массажистов, ни персональных стилистов, ни гримеров. Они вынуждены были сами себе мастерить шляпки, шить платья, выдумывать грим. Мы сегодня практически ничего не знаем о том, как трудно живут наши звезды, особенно те, которые родились еще под сенью Советского Союза. У многих маленькие квартирки, они еле сводят концы с концами, штопают, простите, свои платья. Быт их жестоко обнимает.

А голливудские звезды были не такими: быт их целовал, ласкал, они выезжали на ралли, играли в казино, их фильмы приветствовались во всех кинотеатрах Америки и Европы. Им дарили цветы, присылали тысячи писем с просьбой получить автограф. Для этого содержались целые штаты секретарей, которые или ставили факсимиле с

подписью, если звезда устала, или звезда должна была подписать собственные фотографии, а уже секретари сами вкладывали это в конвертики, рассылали поклонникам.

Вообще, институт звезд в Голливуде заслуживает отдельного разговора. Там старались сделать звезду из любого человека. Это вопрос рекламы, только и всего. Самый захудалый человек с улицы может стать звездой, если он все время мелькает в телевизоре, по радио, в печатных СМИ. И люди будут бегать за ним, обожать.

С этой точки зрения совершенно иным был феномен знаменитых артистов немого кино, особенно в сравнении с современными технологиями штамповки звезд.

Именно немое кино подарило нам удивительной высоты эстетически отточенные образы, когда мужчины и женщины были сопоставимы с совершенством, — если человеческая натура вообще может быть совершенной. К сожалению, все мы по своим внешним данным далеки от идеала. Так вот, актеры немого кино были совершенны. Уродин туда не брали. Конечно, после того как в 1927 году появились первые говорящие картины, почти все эти звезды ушли в небытие. Сначала это происходило робко, затем, в 1928 году, активнее, а в 1929-м — грянул мировой кризис на Уолл-стрит, и их стало еще больше. В 1930-е годы кино отчаянно заговорило, запело, затанцевало, родился жанр музыкальной комедии.

Знаменитые звезды Великого немого были чаще всего иностранцами, поэтому, пока они молчали, их акцент не играл никакой роли. Неважно было, говорит ли хорошо по-английски Иван Можухин или владеет ли в совершенстве французским языком



Иван Можухин, 1920-е гг.



Наталья Кованько, Париж, 1923



Ольга Бакланова, 1920-е гг.



Марлен Дитрих, 1930-е гг.



Грета Гарбо, 1930-е гг.



Пола Негри, 1920-е гг.



Рудольф Валентино в роли
тореодора дона Хуана Гальярдо
в фильме «Кровь и песок», 1922



Луиза Брукс, 1920-е гг.

Наталья Кованько, может ли передать нюансы английской речи Ольга Бакланова? Зато важны были их внешние данные, манеры, их импозантность, фигура, умение носить одежду, отделки, маникюры, прически, украшения, грим. Грим играл огромную роль в черно-белом кино. Сейчас-то можно легко передать все нюансы цветовой палитры, а тогда? Как сделать красивое лицо в черно-белом изображении? Ответ один – артистизм, талант. И талант гримера: умение передать чувства глазами, губной помадой, маникюром, лаком, – это, конечно, было очень важно. Поэтому в начале XXI века, по прошествии почти ста лет, звезды немого кино нас влекут именно этим непревзойденным совершенством.

Конечно, на образ, культ звезды работали осветители, ретушеры, великолепные костюмеры, парикмахеры и гримеры, потому что все звезды были на зарплате у студий. Теперь совершенно другая система. Студии работали как театры, если хотите знать. У всех был свой арсенал звезд больших и малых величин, и для каждой звезды было свое окружение. Каждая студия в Голливуде имела свою труппу, и эта труппа могла блистать набором. У кого-то Дитрих, у кого-то Гарбо, но это уже в 1930-е годы, а раньше у кого-то Пола Негри, у кого-то Рудольф Валентино, у кого-то Луиза Брукс. Надо было варьировать, уметь создать им ореол славы и удержать их. Понимаете, характеры... И баснословные барыши! О гонорарах, которые получали звезды, слагались песни. Известен потрясающий фокстрот Кола Портера, где есть такие слова: «Ты вершина, ты совершенство... С кем я могу тебя сравнить? Разве что с зарплатой Греты Гарбо!»

И студии многое делали для создания этого культа. Покупали звездам великолепные дома с роскошной обстановкой, туалеты. Эти «роллс-ройсы», прислуга – все работало на образ кумиров! Студии было выгодно пустить пыль в глаза, чтобы публика думала, что их звезда еще краше, чем она есть на самом деле. И по контракту звезде надо было все время сниматься на обложках журналов.

Сейчас что-то подобное делает канал ОРТ. Ведущие популярной программы «Доброе утро» тоже очень знамениты, и в их контракте прописано условие – рассказывать в обязательном порядке про мелочи их жизни для центральной прессы. «Я сегодня споткнулась», – это ведущая чуть не опоздала на съемку. Вот событие! У нее новая кофточка, надо об этом рассказать – событие! Она только что приехала с отдыха и отлично загорела – это уже целая история! Так что телевидение сегодня в России прибегает отчасти к приемам Голливуда 1920-х годов.

Когда звезда сходила с экрана, ей устраивались встречи с почитателями, на специальных аукционах выставлялись ее вещи, туалеты, украшения. Произойти это могло в любой момент по разным причинам. Часто в 1920-е годы это были наркотики и алкоголизм. Например, как пропала Клара Боу? Слишком много шампанского, слишком много кокаина. Поэтому она растворилась, и Голливуд хранит до сих пор тайну о второй половине ее жизни. Пока она была звезда – много шумихи, дальше – тайна, покрытая мраком. Кларочка больше не снимается, а почему она не снимается? Что с ней случилось? Это уже не так важно.

И конечно, когда пришло звуковое кино, многие оказались выброшены за борт. Лишь единицам удалось вернуться – сделать, как говорится, come back.

Расскажу об одной из таких звезд, о знаменитой Глории Свенсон. Она была американской актрисой скандинавского происхождения, как и Грета Гарбо, так как родилась в США в шведской семье. Глория Свенсон сделала великолепную звездную карьеру и была страшно богата. Шесть раз побывала замужем, имела великолепный особняк, в котором было сто десять жилых комнат. Конечно, жить в ста десяти комнатах просто невозможно, я предполагаю, что она и не бывала во всех, потому что даже обойти сто десять комнат – долго и утомительно. У нее был успех, миллионы, и Голливуд все время это показывал.

Но у Глории Свенсон не было титула! И она захотела стать аристократкой. Это всегда происходит со всеми миллионерами: есть деньги, дома, дети отучились за границей, есть ордена, покупные или другие, и они хотят титул. Иначе как выделиться? Миллионеров много, а сэр, граф, маркиз, герцог, князь – один. Поэтому



Клара Боу (1906–1965)



Глория Свенсон (1897–1983)

они начинают покупать титулы. Точно так же происходит и в России. Я сплошь и рядом вижу, как сегодняшние миллионеры стремятся выделиться. На Рублевке масса миллионеров, и человеку хочется сказать о себе: «А я, извините, граф». И всё – крыть нечем.

Поэтому она вышла замуж за французского маркиза из обедневшей, но очень аристократической семьи, которого звали красивым именем – маркиз де ла Фалез де Кудре. И чтобы им устроили великолепный прием, она прислала знаменитую телеграмму в Голливуд: «Завтра приезжаю на студию с маркизом. Организуйте овации. Глория Свенсон». Представьте белый «роллс-ройс», в котором сидит Глория Свенсон, утопающая в цветах, с этим бедным маркизом, ставшая маркизой де ла Фалез де Кудре!

Как только кино заговорило, она оказалась не у дел. Голос ее плохо ложился на пленку, в нем не было тембра, певучести, артистизма. Глория Свенсон, хотя и говорила без акцента, не смогла работать в звуковом кино.

Прошло много лет, о Глории вспомнили в середине 1950-х годов. Красота ее уже ушла, артистизм тоже. Ей предложили сыграть роль звезды немого кино, которая отошла от дел, живет в своем дворце, то есть, по сути, роль самой себя в старости. Съемки проводились в бывшем дворце Рудольфа Валентино, потрясающего красавца немого кино, который скончался в тридцатилетнем возрасте в 1926 году. Женщины так его любили, что многие покончили с собой, услышав о его смерти. Этот роскошный особняк и сейчас находится в Голливуде, в Беверли-Хиллз. Когда вы поедете в Голливуд, совершите очень интересную обзорную экскурсию на специальном автобусе по особнякам звезд. Зайти туда нельзя, но автобусик проезжает мимо фасадов домов знаменитостей: направо жила Глория Свенсон, налево – Мэри Пикфорд, а вот дом Полы Негри. Множество туристов водят там по «звездам Голливуда», как у нас раньше по «ленинским местам» водили. Показывают, кто где жил, у кого какое окошечко, палисадник, кому это сейчас принадлежит, потому что голливудские актеры перекупили эти дома и живут в них.

Так вот, Глории Свенсон предложили сыграть саму себя в фильме «Бульвар заходящего солнца», который в русском прокате известен как «Бульвар Сансет». Всем, кто не видел этого фильма Б. Уайлдера, я рекомендую обязательно посмотреть – получите бешеное удовольствие. Это рассказ о том, как постаревшая артистка немого кино мечтает вернуться на большой экран. Она была любима всеми, но потом забыта – участь многих артистов. Случайно ей подворачивается молодой сценарист, которого она селит у себя во дворце с условием, что он будет писать сценарий под нее, под ее возраст и драматические возможности. Она ему платит, деньги у нее есть, и он создает гениальный сценарий только для Глории Свенсон, которая играет там роль Нормы Десмонт, потрясающей, но деспотичной артистки с гнусным характером. Она хочет ворваться в звуковое кино во что бы то ни стало. И вот начинается роман – ей шестьдесят, ему тридцать, тем не менее она страшно влюбляется в этого молодого человека, старается его всячески соблазнить. Наконец ей звонит директор студии и предлагает приехать. Она гримируется, одевается в са-

мое роскошное бисерное платье 20-х годов и подъезжает к огромным воротам студии на белом открытом «роллс-ройсе». Ее узнает старый привратник, восклицает: «Норма! Вы возвращаетесь к нам! Мы не виделись тридцать лет! Какая прелесть!» Ворота открываются, она въезжает, ее окружают старые осветители, гримеры: «Это же наша великая Норма, которая сделала столько миллионов для Голливуда! Она вернулась к нам, какая радость!» Выходит директор и говорит: «Норма! Какое счастье, что ты с нами! У меня к тебе просьба, одолжи свой автомобиль для съемок фильма “Ретро”».

Ужас... И такое разочарование! Им нужна ее машина, а не сама Норма. И она сходит с ума и в конце убивает собственного любовника, потому что думает, что он ей изменяет, что от нее уходит всё. Единственная возможность отправить ее в сумасшедший дом – это инсценировать съемки. И в ее особняк привозят осветительные приборы, прожектора, Норму гримируют, одевают и говорят: «Вы должны спуститься с этой лестницы и пройти в “карету скорой помощи”. Это и есть ваша роль». Камера снимает ее выход, и совершенно сумасшедшая, больная женщина, помешавшаяся на славе и успехе, спускается по этой лестнице для того, чтобы внизу ее связали санитары.

Это трагический фильм о судьбе звезды немого кино, потому что и в действительности жизнь не всех звезд, увы, окончилась очень хорошо. И фильм имел ошеломляющий успех. Сама Глория Свенсон на него не пошла. Она сказала: «Что за безделица? Я там старая. Я знаю, что я великая актриса, зачем мне смотреть такую ерунду?» Но зато ее завалили заказами. Она вновь стала звездой и вернулась в большое кино постаревшей, но всем нужной.

Затем она открыла Дом моды в Нью-Йорке. Дамы ее возраста потянулись к ней, потому что дома моды создают всегда молодые, а о старшем поколении никто не думает. Я знаю, что сейчас существует проблема одеться даже для сорокалетней женщины, а что же говорить о шестидесятилетней, восьмидесятилетней? Так вот, Глория Свенсон создавала наряды как раз для дам ее возраста, семидесяти – восьмидесяти лет, поэтому у нее был бешеный успех и американки кинулись, конечно, к любимой звезде молодости.

Кстати, я уверен, что если бы наши звезды старшего поколения, например Ирина Скобцева или Зинаида Кириенко, которые еще очень дееспособны и прекрасны собой, открыли Дом моды и сами показывали платья, это имело бы потрясающий успех и всем бы понравилось.

Отдельного рассказа заслуживает одна из моих любимых актрис Голливуда – Ольга Бакланова. Ольга Владимировна Бакланова была ведущей актрисой Московского Художественного театра и любимицей Владимира Ивановича Немировича-Данченко. А он



Ирина Скобцева, 1969



Зинаида Кириенко



Ольга Бакланова, Голливуд, 1927



Ольга Бакланова, Голливуд, 1928

плохих не ценил! В то время в Художественном театре работали замечательные, талантливые актрисы, у него был выбор. По семейным преданиям, она даже имела от него внебрачного ребенка, который впоследствии уехал в Италию и скончался там.

Ольга Бакланова была, во-первых, безумно хороша собой. Фотогеничная, статная, женственная, и, во-вторых, она была талантливой актрисой и музыкально одаренной певицей. Поэтому, когда в Москве открылся Музыкальный театр Станиславского и Немировича-Данченко, она стала первой звездой. В действительности Немирович-Данченко ради нее построил Музыкальный театр. Она исполняла главные роли в музыкальных спектаклях, пела «Периколлу», «Дочь мадам Анго», прославилась в эпохальной постановке «Лисистраты» в 1920-е годы в декорациях знаменитого художника эпохи конструктивизма Рабиновича. Все это имело огромный успех, и об Ольге Баклановой, выпускнице студии Художественного театра, после успеха во МХАТе современники писали как о самой талантливой артистке труппы.

Прославившись, она получила возможность гастролировать с Художественным театром в США и с музыкальной студией – в Нью-Йорке, на Бродвее. В 1925 году Ольга Бакланова произвела фурор в Америке во время гастролей Музыкального театра, который теперь называется Театром им. Станиславского и Немировича-Данченко.

Американский импресарио, оценив уровень и калибр этой звезды, предложил ей в том же 1925 году контракт. Что же, разрыв с советской властью? И Ольга предпочла Америку. Она вернулась в Москву, сделала все необходимые дела – забрала ребенка, попрощалась с родственниками, получила отпуск из театра на гастроли в США, потому что в эпоху НЭПа это было возможно, и из Риги отплыла назад в Америку на гастроли, из которых уже никогда не возвратилась. Она была заслуженной артисткой РСФСР, по тем временам огромное звание, которое давали только знаменитым артистам. Заслуженная артистка – невозвращенка! Вы не можете себе представить, какое выражение было на лице у Луначарского, когда он узнал об Ольге Баклановой. А что испытал Немирович-Данченко? По свидетельствам современников, он заплакал у рояля в фойе Художественного театра, узнав, что его любимая Ольга покинула навеки альма-матер. Я, конечно, сейчас уподобляюсь Виталию Яковлевичу Вульффу, который рассказывает так, как будто он лично присутствовал при всех драмах каждого человека на земле, просто рядом стоял со свечой, но Немирович-Данченко действительно заплакал. Я это знаю, потому что дружил с Софьей Станиславовной Пилявской, которая была очень близка с Немировичем-Данченко и могла это знать от супруги знаменитого режиссера.



Актриса МХТ Софья Пиливская



Любовь Орлова



Ольга Бакланова

Когда Бакланова уехала, ее потребовалось заменить, и нашли молоденькую опереточную артистку, которая стала блистать в ее ролях. Этой артисткой была Любовь Петровна Орлова.

Любови Орловой не случилось бы в нашем кино, если бы не уехала в Голливуд Ольга Бакланова, потому что свято место пусто не бывает. Если бы Бакланова осталась, мы бы знали как звезду нашего музыкального кино только ее. Орлова благодаря своему музыкальному дару, обаянию, фотогеничности, артистизму – всего этого у нее не отнять – заняла место Баклановой, тем более что была на десять лет помоложе. Это тоже сыграло немаловажную роль. Так Любовь Орлова из опереточных артисток стала кинозвездой, расцвела в заместительницах Баклановой. Она была талантлива, красива и внешне, став блондинкой, немножко работала под Бакланову. Она всегда подражала ей в своих гримах, стремясь быть похожей на ту, в чьих костюмах и чьи роли она играла. Безусловно, у нее был кумир, которого все забыли, но Любовь Орлова помнила очень хорошо. В начале карьеры ей приходилось много думать о том, как бы не снизить планку, ведь все говорили: «Как она похожа на Бакланову!»

А Бакланову ждал триумф на Бродвее. Она выступает в прекрасных спектаклях, Голливуд тут же примечает ее и приглашает как звезду, о ней начинают писать на первых страницах обложек голливудских журналов. И в Голливуде она делает блистательную карьеру в немом кино. Но Ольга Владимировна, как многие женщины, немножко согрешила против своего возраста, сказав, что родилась в 1905 году. Потом выяснилось – в 1897-м, а уж если совсем точно, даже в 1895 году.

Поэтому время шло, появилось звуковое кино, а у нее акцент, и в 1927 году возраст уже приближается к тридцати пяти. Звуковые фильмы стали катастрофой для кинокарьеры Ольги Баклановой, хотя она сыграла великолепную роль в первом фильме ужасов США под названием «Уроды». Она играла главную



Ольга Бакланова. Кадр из фильма «Уроды»

роль цирковой артистки, трапецеистки, дивы поднебесья. Героиня влюбляет в этом фильме в себя карлика, который оказывается миллионером. Чтобы заполучить его миллионы, она даже фиктивно выходит замуж за нелюбимого карлика из цирковой труппы, имея при этом еще и потрясающего любовника-силача. Карлики узнают об измене и вместе с уродами, которые выступают в цирке, мстят ей. В США действительно был такой цирк, где показывали для приманки публики людей без рук, без ног, гермафродитов, недоношенных и тому подобное. Они делают из дивы поднебесья женщину-курицу. В конце фильма эта изуродованная женщина, без рук и ног, в перьях курицы, вы-

ступает в цирке на насесте. Единственное, что она может делать, – кудахтать.

Страшный фильм, потрясающий, и я рекомендую всем, кто не боится фильмов ужасов, посмотреть его. Ольга Бакланова там продемонстрировала великолепное мастерство. Она прекрасна, но акцент режет слух! Именно русский акцент – главное препятствие для наших артистов в Голливуде, поэтому их берут на роли бандитов, князей, таксистов, иностранцев или немых. Например, балетный танцовщик Александр Годунов снялся в замечательном фильме, где играл одного из героев в деревне амишей, который был немым. Смотрелся он, естественно, очень хорошо.

Бакланова вернулась на сцену и взяла роль Греты Гарбо в знаменитом спектакле «Гранд-отель», который прославился после выхода голливудского фильма с Гретой Гарбо в главной роли. Она прокатилась по всей Америке с «Гранд-отелем», сыграла несколько сотен спектаклей и имела ошеломляющий успех.

В Америке у Ольги Баклановой случился бурный роман сначала с композитором Бакалейниковым, с которым она была очень дружна еще в России. Он был тогда уже голливудским композитором, а вообще Бакалейниковы – знаменитая музыкальная семья в России до большевистского переворота, они написали множество романсов. А затем она встретила другого эмигранта из России, одессита, который в Америке взял псевдоним Ричарда Дейвиса и разбогател на торговле антиквариатом. Ольга, великолепная красавица, уйдя из Голливуда, выходит за него замуж. Миллионер-импресарио ее боготворит, осыпает подарками, бриллиантами и потрясающей живописью. Дома у Баклановой висели настоящие Ван Дейк и Рубенс, качественные музейные полотна, а не репродукции в виде открыток из книг Александра Васильева. Живет она в Нью-Йорке и выступает в радио-шоу «Русский час с Ольгой Баклановой», где рассказывает для американских слушателей о России, о музыке, о романсах, поет в каждой передаче. Ежедневно американцы слушают «Русский час» с любимой артисткой немого кино, после чего она поет романсы в очень известном ресторане «Русская чайная комната» в Нью-Йорке. Знаменит он

тем, что там всегда стоит наряженная елка. У русских Рождество каждый день: придете 10 мая или 1 сентября – елка горит. Это всегда очень приятно! Дорогой, хороший ресторан. Там она пела и прославилась своим исполнением,

Но возраст берет свое. Америка ей надоела, и после войны она решает вернуться в Европу. Ее муж, Ричард Дейвис, заводит себе золушек, так бывает у мужчин. Ему нравились девушки несостоятельные, молоденькие, неопытные, блондинки с голубыми глазами, которых он пускал в оборот, немножко их золотил и выпускал на волю. Но Ольга остается законной супругой, она переезжает в Швейцарию, на фешенебельный курорт Монтрё. Нанимает себе русскую сиделку Варвару Раппонет, в прошлом знаменитую манекенщицу, звезду, работавшую с Эльзой Скиапарелли, русскую таксистку, мадам Скарятину-Грин, по матери Пуни, внучку знаменитого композитора Цезаря Пуни. В Швейцарии Ольга Бакланова играет в рулетку, в карты, тратит мужнины деньги, вспоминает о былом, пьет чай и не только, носит норковые манто и живет роскошной жизнью, пока постепенно старость не берет свое. В одном из роскошных отелей Монтрё она умирает. Когда Ольга Владимировна скончалась, у Дейвиса не было денег даже на ее похороны.

К счастью, у Баклановой была очень хорошая близкая подруга, знаменитая русская балерина, солистка балета полковника де Базиля – Ирина Баронова. Она живет сейчас в Австралии, возле города Брисбена. Написала недавно уникальную книгу воспоминаний о балете. Она действительно умна, талантлива и жизнерадостна, и именно она на свои деньги похоронила Ольгу Владимировну рядом со своим первым, кажется, мужем, который был, представьте себе, близким родственником Константина Сергеевича Станиславского. Так случилось, что они сейчас лежат рядом на кладбище в Монтрё, можно сказать, бок о бок. И когда вы поедете в Швейцарию, дорогие читатели, сходите туда. Рядом с русской церковью в Монтрё лежит Ольга Владимировна Бакланова – знаменитая русская артистка.

Бакланова была очень востребованной дивой немного кино, одной из самых фотогеничных артисток Голливуда. Сохранилось огромное количество ее фотографий, которые я собираю, как и информацию из семьи, газет, голливудских журналов тех лет, рецензии, отзывы, а также воспоминания современников. Хочу написать ее большую биографию. Я знаком с швейцарской сиделкой Ольги Баклановой Варварой Раппонет и с Ириной Бароновой, которая мне рассказала подноготную личной жизни Ольги. В Москве, кстати, живет ее племянница, Елена Глебовна Бакланова, знаменитый хормейстер, мы очень дружны с ней. Я недавно сделал так, чтобы она наконец-то познакомилась со своей племянницей в Америке, ведь у Ольги Баклановой был сын, а от сына родились многочисленные внуки. Одна из внучек, Наташа, наконец-то сошлась со своей теткой в России. Я приложил много



Варвара Раппонет, Париж, 1952



Рудольф Нуреев в роли Валентино, 1960-е гг.



Рудольф Валентино, 1920-е гг.



Вера Малиновская, Москва, 1929

усилий, чтобы это случилось, потому что ее трудно было найти. Наконец они вместе.

Мы все-таки очень мало знаем о русских звездах за границей, они исчезли для нас. Мы помним о том, как в 1961 году убежал Рудольф Нуреев, но мы не вспоминаем, что до войны из Советского Союза уехали многие талантливые артисты. Кроме Ольги Баклановой за границу убежал знаменитый актер Валерий Инкижинов, который играл в России сына Чингисхана в советском фильме «Потомок Чингисхана», и он сделал очень большую карьеру во Франции; и знаменитая советская звезда Вера Малиновская, уехавшая на контракт в Германию, а потом прославившаяся в Италии. Я намерен собрать материал, и, возможно, у меня получится интересная книга с хорошими иллюстрациями.

Еще одна актриса немого кино с очень интересной судьбой – Анна Стен.

Она была полушведкой-полурусской, родилась в Киеве. Училась балету и начала карьеру в Москве в советском немого кино, где сыграла главную роль в популярном в 1920-е годы фильме «Девушка с коробкой». Вскоре Анна Стен получила, как всегда это бывает, заманчивое предложение из Германии. На рубеже 1920–1930-х годов попала туда, снялась в нескольких фильмах. Американцы тогда рыскали по Европе, искали звезд и перекупали. И как только ее звездочка засветилась на небосклоне немецкого кинематографа, Анну Стен выписали в Голливуд на более



Анна Стен, Голливуд, 1932



Анна Стен, Голливуд, 1934



Анна Стен в фильме «Нана»

значимый и дорогой контракт, как это в свое время произошло и с Марлен Дитрих.

Она была очень музыкальным, к тому же явно лингвистически одаренным человеком, овладела в совершенстве английским. На студии «Метрополитен Голден Мейер» с ней носились, не будет преувеличением сказать, как с писаной торбой, стремясь создать настоящую звезду огромного калибра. Анну Стен рекламировали журналы, называли ее красным ответом Грете Гарбо. Вот сейчас, наконец, засветится великая звезда Анны Стен! Мы узнаем всё о ней, о ее жизни, карьере! И она действительно засветилась... в двух фильмах. Первой ее премьерой в Голливуде стал фильм «Нана» по роману Эмиля Золя, где она сыграла известную парижскую куртизанку. Второй фильм – «Воскресение» по роману Льва Толстого, где она сыграла Катюшу Маслову. К сожалению, оба фильма не имели коммерческого успеха. Публике понравилась Анна Стен, но не понравились ни постановки, ни сюжеты, показавшиеся в 1930-е годы слишком скучными, историчными.

И на этих фильмах карьера Анны Стен закончилась. О ней до сих пор много пишут в Америке как о неудавшейся попытке Голливуда завоевать любовь публики. И совсем недавно в США мне удалось купить альбом вырезок из журналов и газет, которые собирали на студии об Анне Стен, и я думаю тоже подготовить о ней издание. Фотографии ее великолепны. Она была безумно фотогенична и элегантна, но у нее был русский вкус... Русский



Анна Стен, Голливуд, 1930-е гг.



Анна Стен в фильме «Let's live a little»

вкус не знает границ, мы никогда не можем себе сказать: «Хватит! Не надо больше добавлять кружева, эта рюшка лишняя, и бантик надо убрать!» Поэтому ее костюмы в «Нана» – довольно безвкусное зрелище. Она хотела их осовременить, сделать из них немножко 1930-е годы, и в середине фильма у нее есть даже музыкальный номер, где она выходит вообще в брюках-клеш. В XIX веке, в эпоху корсетов, никаких брюк-клеш не было. Она выходит и поет песенку с матросами, очень соблазнительная, с сигаретой во рту.

Затем об Анне Стен вспомнили в эпоху Второй мировой войны. В это время Америка сдружилась с СССР, и Голливуд стал выпускать фильмы о борьбе советского народа с нацистскими завоевателями, о партизанской войне в тылу немецкой оккупации. Голливуд сделал, конечно же, клюкву, но был снят фильм с Анной Стен про историю партизанки Анны, которая борется с немцами – и побеждает.

Я сожалею, что у нас эти картины никогда не показывают, потому что интересен взгляд. Вы знаете, наши фильмы про Америку настолько же смешны, как американские про Россию. Вы думаете, вся Америка не хохочет над тем, как мы их изображаем, например, в «Ошибке резидента»? Или немцы не хохочут над «Семнадцатью мгновениями весны», когда мы в Риге стараемся изобразить Берлин и все наши актеры с прическами 1970-х годов представляют немецкую действительность 1940-х? Мы такие же кичливые в наших фильмах про Запад, как Запад клюквенен в фильмах про Россию. Это естественно. Их «Доктор Живаго» нам смешон, но и им смешны наши версии западной жизни. Вы думаете, я не смеюсь, когда смотрю «Три мушкетера» советского разлива, снятый в Подмосковье, где изображается французская природа, – «то березка, то рябина, куст ракиты над рекой»? Конечно, кино грешит китчем и недосказанностью.



Балерина Тамара Туманова,
Голливуд, ок. 1944

Так вот, кроме Анны Стен в этих просоветских фильмах сыграла также знаменитая балерина Тамара Туманова. Она снялась в великолепной картине «Дни славы» с Грегори Пеком в главной роли. Она играет советскую балерину, которая борется с немецкими оккупантами, приближая победу. Там побеждает красота: Туманова хороша, поэтому, надо сказать, о ней и вспомнили. Затем она снялась в нескольких фильмах в 1950–1960-х годах и умерла в очень преклонном возрасте. Анна Стен умерла около 1990 года, можно сказать, совсем недавно, прожив длинную жизнь. О ней не вспоминали, но это не значит, что сейчас не надо о ней вспомнить.

Еще одна красавица – Тамарочка Десни, которая родилась в 1912 году в России. Ее мама Ксения Десни была знаменитой артисткой немого кино, победительницей конкурса «Мисс Берлин», а Тамарочка уехала в Лондон и стала там артисткой говорящего кино.

Нельзя не вспомнить Аллочку Назимову, сделавшую замечательную карьеру в Голливуде. Родилась она в Ялте в 80-х годах XIX века, работала в провинциальных театрах, потом была недолго



Тамара Дзени, Лондон, 1930



Ксения Дзени, ур. Дзеницкая, Берлин, 1927



Алла Назимова, Голливуд, 1920-е гг.

ученицей Станиславского, уехала в Америку, научилась говорить по-английски без акцента. Сыграла впервые в пьесах Чехова на Бродвее и имела значительный успех, а потом стала голливудской звездой очень раннего периода немого кино. К сожалению, разорилась на фильме «Саломея». Хотела сделать что-то великое, потратила все свои деньги, но фильм не имел коммерческого успеха. О ней вышла книжка на русском языке, называется, по-моему, «Сады Аллы». Дело в том, что Алла Назимова в Голливуде имела знаменитый дом, который назывался «The gardens of Alla». «Алла» произносится по-английски так же, как «Аллах», слова эти созвучны, поэтому она себя немножко в этом обожествила.

У нее был действительно замечательный сад. Часто приходил Рудольф Валентино, ее большой друг, многие звезды кино. К сожалению, появление звука тоже отрицательно отразилось на ее карьере, да и молодость-то, конечно, ушла. Она утратила прежний престиж и статус и играла уже больше эпизодические роли, но судьба ее была очень интересна и небанальна.

Мне очень нравится судьба знаменитой польской артистки немого кино Пола Негри. Ее настоящее имя – Аполлония Холупец, но с фамилией Холупец делать карьеру в Голливуде нельзя, поэтому ее перекрестили в Полу Негри. Она, между прочим, училась в Петербурге, пела по-русски. Существуют голливудские записи ее романсов на русском языке. Пела она почти без польского акцента, что большая редкость. Пола Негри была тоже балериной, вообще в немое кино часто попадали бывшие танцовщицы, потому что пластичность очень ценилась.



Алла Назимова, Голливуд, 1923

1. Я всегда очень тепло отношусь к актрисам...



Она сначала танцевала в Варшавском театре, затем в кабаре, затем в Берлине, и, как всегда, американцы перекупили ее и сделали популярнейшей звездой. Пола Негри прославилась экстравагантностью – она появлялась на съемочной площадке в сопровождении черной пантеры. У нее были замечательные украшения и бриллианты, потрясающие машины, любовные истории, интриги и полное крушение в эпоху звукового кино. К счастью, она знала блестяще немецкий язык и плохо владела английским. Она вернулась в немецкое кино 1930-х годов, уже в эпоху нацизма, и, не будучи столь же молодой и прекрасной, как раньше, сыграла несколько полухарактерных ролей на немецком языке. В частности, в немецком кино она играла всегда славянских княжон, панночек, однако с началом военных действий ей удалось вернуться в Америку.



Она прожила длинную жизнь в Техасе, в Далласе, где написала свои воспоминания. В большое кино она уже не смогла вернуться. Но на фотографиях сохранился образ таинственной звезды Полы Негри: масляный взгляд с поволокой, удивительные темные, как маслины, манкие глаза, шикарный рот, эти позы, этот забинтованный, как после контузии в эпоху Первой мировой войны, лоб... Голливуд никогда не вспоминал, что она Холупец, полька. Всем хотелось видеть «загадочную европейскую звезду», никто не хотел знать правды.

Ведь если звезду поскрести и там окажется медь – это ваше счастье. Часто под позолотой просто пластилин, из которого была вылеплена эта звезда, а стразы, даже не бриллианты, служили украшением для того, чтобы публика ее любила. Лучше не будем скрести.

Пола Негри



Каждому возрасту —
своя красота





Русские красавицы прошлого не боялись стареть и умели стареть, оставаясь молодыми. Не надо забывать почаще заглядывать в свой паспорт и знать, что каждому возрасту — своя красота. Разве мы не любим осень или не любим зиму, и весну, и лето? У каждого времени года, как и в жизни, своя прелесть, только надо уметь эту прелесть показать. И поэтому будет глупо, если мы осенью нашей жизни расцветем незабудками и подснежниками...



В имени в Литве



Русская женщина всегда стремится узнать, насколько она хороша, каков «процент» ее красоты. Я побывал в шестидесяти пяти странах мира и могу засвидетельствовать, что такого количества зеркал, как в русском доме, нет нигде. Только у русского человека зеркало в каждой комнате. У французов? Никогда! А русский человек должен на себя глядеть. «Свет мой, зеркальце, скажи, да всю правду доложи: я ль на свете всех милее, всех румяней и белее?» Не врет ли зеркальце? Это история русской жизни...

А уж если зеркальце ей скажет, что кто-то есть лучше?! Разве зависть так развита в других народах, как у нас? Вы думаете, наши соседки не завидуют кумушке рядом? Не завидуют ее платку, каблукам, собачке, мужу, детям? Думаю, что это свойство народа. Есть народы завистливые, а есть менее завистливые. У нас обычно завидуют успеху. Раньше это меня больше раздражало, пока я не понял, что надо включать «французскую волну».

Вы спросите: как это? Дело в том, что французы не реагируют на внешние обстоятельства. Они в этом смысле очень хладнокровны к соседям, к чужим проблемам, они не душевные. Вот русский человек настраивает душевную русскую волну и начинает волноваться, а как там, доехала ли соседкина дочка до гимназии, выздоровел ли Петр Петрович? Французам всё безразлично. Они в этом смысле наплеватьски относятся к дружбе, к человеческим отношениям, для них, например, прошлое забыто. Есть даже такая очень глупая французская пословица *Les passe et pisse*, что означает «Мы пописали на наше прошлое». Забыли и выкинули его. Ведь в России очень часто бывает так: люди разводятся, но сохраняют отношения еще долгие годы. Они уже не живут вместе, но перезваниваются, встречаются с новыми мужьями, вместе ездят на каникулы, иногда потом опять меняются ими... А во Франции, если муж и жена разошлись, они не встретятся больше никогда, ни при каких условиях. Говорят: «Зачем мы расходились?» Они даже не будут здороваться. Еще могут сказать: «А разве мы были знакомы?» Это удивительное качество. При-

чем, поймите меня верно, я их не одобряю и рассказываю это вовсе не для того, чтобы привести их в пример.

Прожив во Франции двадцать пять лет, я теперь, когда чувствую, что вокруг сгущается зависть, включаю «французскую волну». А мне какое дело? Зависть, ревность – их проблемы, пускай их это волнует, а я буду поливать цветы, писать новые книги, путешествовать по разным странам, пополнять свою коллекцию, любоваться яблоками в вильнюсском саду и думать совсем о другом, потому что у каждого своя жизнь. Негативные эмоции разрушают нервную систему, прибавляют нам седых волос. Ревность и зависть – одного поля ягоды. Когда мы что-то не можем принять, надо быть толерантным и уметь «выключить» эти эмоции. Я раньше был очень ревнивым человеком, и это меня раздражало, а теперь думаю: «Пускай люди будут счастливы!»

Необходимо помнить, что каждому возрасту – своя красота. Русские красавицы прошлого не боялись стареть и умели стареть, оставаясь молодыми. Посмотрите на фотографию княгини Мери Эристовой, урожденной грузинской княжны Шервашидзе, которая сохранила фарфоровый цвет лица и отсутствие морщин до очень глубокой старости. Я видел запись репортажа грузинского телевидения двадцатилетней давности. Ее спросили: «Княжна, как вы сохранили



Мери Эристова, ур. княжна Шервашидзе, Париж, 1929



Ирина Баронова, Париж, ок. 1935



Ирина Баронова перед русским костюмом 1913 г. из коллекции А. Васильева



**Лидочка Винокурова (в центре)
с клиентками в ее моделях. Шанхай, 1947–1948**

такую внешность?» Она ответила: «С семнадцатого года я не улыбалась».

Знаменитая русская балерина Ирина Баронова, подруга Ольги Баклановой, живет сейчас в Австралии и до сих пор хороша. Я бывал у нее, когда там работал, и до сих пор мы перезваниваемся и связываемся по электронной почте через ее дочь. Что она мне говорит? Она спрашивает подробности о судьбе той или другой общей знакомой и жива ли еще балерина Н. Я много путешествую и могу их как-то сплотить, так что работаю как связной. На Новый год я, как и мы все, получаю много поздравительных открыток от друзей. И в один прекрасный день в Париж мне пришло два письма одновременно. Одно от Татьяны Лесковой, внучки

знаменитого писателя Лескова, балерины, которая живет сейчас в Рио-де-Жанейро, а другое – от Ирины Бароновой. Они выступали в одной и той же труппе в 1930-е годы в русском балете полковника де Базиля. Одна сейчас живет в Австралии, другая – в Бразилии, и одновременно они сходятся в моем почтовом ящике. Удивительно!

Конечно, многие уходят из жизни, это естественный процесс, надо не плакать, а радоваться тому, что эти люди были рядом с вами. Вспоминайте о них, ведь уход – это естественно, нас всех не будет в один прекрасный день. *S'est la vie*. Надо жить с этим знанием. Старости эти женщины не боятся. Но надо сказать, что Ирина Баронова все-таки очень молода по сравнению с другими. Она родилась, если я не ошибаюсь, в 1917 году, так что ей только немного за девяносто.

Вот скажем, в Париже живет моя подруга, тоже красавица, Лидочка Винокурова, которая до сих пор еще готова реформировать мир. Лидочка сказала мне: «Саша! Я решила создать новую форму декоративно-прикладного искусства. Это будет единение спящих сокровищ Урала с драгоценными камнями Южной Африки. Все это вместе – взрыв, а имя этому взрыву одно – Лидочка Винокурова!»

Это замечательно, что она в девяносто четыре года хочет работать, творить, любить. А такие ножки, как у Лидочки сегодня, и такие каблочки, и талия, и декольте – это о-ля-ля! Лидочка всегда в костюмчике с утянутой талией и в юбочке с разрезом. Она всегда в потрясающих колготочках, всегда полулежит на софе и просит шампанского. Шампанского, чтобы мы оценили ее последний шедевр! Паутину из золотой бумаги, которая украшает ее окно в Париже рядом с ее великолепным баром в восточном стиле из прозрачного оникса, который напоминает о ее жизни в Шанхае в сорок пятом году. Лидочка Винокурова великолепна тем, что никогда не устает и хочет вернуться в свой родной Камень-на-Оби, где она родилась в 1915 году, в город, где находится дворец Винокуровых. Она говорит: «Я хочу, чтобы мне

его вернули». Но у нас нет такого закона, никто никому ничего не отдает. Я сказал: «Лидочка, не бейтесь, вам ничего большевики не отдадут. Пускай у них все это рухнет, главное – чтобы вам не досталось. Закон переменять ради вас не будут, им жалко, их жаба гложет, у них пускай будет там помойка». Она не огорчается...

Еще у меня появилась новая большая подруга девяносто четырех лет – Талочка Эрн, живет в Перу, в Лиме. Она родилась в Тифлисе в 1915 году. Дочь русского генерала императорской армии Николая Эрна, она – Наталья Николаевна, поэтому сокращенно – Талочка. И она знаменита тем, что основала в Парагвае балет. В Парагвае же не было балета, пока русские не приехали. Вообще, Парагвай стал другой страной, когда там поселились русские эмигранты.

Они выиграли знаменитую войну между Парагваем и Боливией из-за пограничной нефтеносной территории Чако в 1930-е годы. Это русские офицеры отобрали у Боливии кусок земли и присоединили к Парагваю, потому что они оказались без работы после окончания Гражданской войны, а им хотелось поработать по специальности. В парагвайской армии требовались генералы, и русские генералы туда подтянулись и организовали военную академию, обучили парагвайцев искусству тактики, военному мастерству и, собственно, отстояли парагвайскую землю от боливийских захватчиков. Между прочим, в Асунсьоне – кто бывал, тот знает – шесть улиц названы в честь русских офицеров.

Одна из знаменитых русских парагваек – Талочка Эрн надиктовала мне свои воспоминания. Таких людей мы здесь, у нас в стране, не увидим, потому что время поменялось, они пережили слишком много, и свежих воспоминаний у них уже нет. А у нее воспоминания за 1919 год еще живы! Недавно я ей звонил из Москвы. Она говорит тихеньким голосом: «Саша, я люблю ваши письма. Мы редко встречаемся, но вы мне пишите новости. А как выглядит Тифлис? Хочу знать, он остался русский или потерял свою прелесть?» Я сказал: «Нет, Талочка! Он стал новым, более современным городом». – «Вот это жалко! Раньше там было все русское, а теперь, наверное, уже грузинское». – «Теперь, наверное, уже другое».

Она, конечно, слабовата, не бежит так, как Лидочка Винокурова, больше сидит, хотя живет в хорошем доме престарелых. Когда я пришел к Лидочке недавно с моей подругой Катей Перцевой, она мне сказала: «Саша! Сейчас будет показ мод. Садитесь на софу». Я сел, она убежала в ванную. «Катя! Вы будете моей одевальщицей». И вот она вышла в первом платье, которое называлось «Каскады жемчуга» – длинное платье, по правому боку которого висел огромный каскад из жемчужных нитей до пола. Она нам его продемонстрировала со всех сторон и объявила: «Сейчас следующая вещь!» Убежала, переоделась в новый, мерцающий золотой парчой костюм... Последний наряд назывался «Шанхайская легенда». Это бы-



Талочка Эрн



Изабелла Юрьева, 1940-е гг.

ло муслиновое платье в прозрачных блестках и бисере, которое она создала для себя. Чтобы в девяносто четыре года выходить в прозрачном муслиновом платье, надо иметь много куража! Но у нее есть этот кураж, потому что, представьте себе, фигурка – о-ля-ля, можно позавидовать. Действительно, ни лишнего грамма!

Когда они смотрят на себя, тех, прежних, то узнают и критикуют. «Почему вы выбрали такое плохое фото? У меня есть миллион гораздо лучше. Вы что, не видите, здесь дефект – тень под носом? Надо было ретушировать». Я возразил: «Но вы же мне другую не дали!» – «Если бы я знала, с кем я лягу, дала бы фотку получше».

Я был знаком также с Изабеллой Даниловной Юрьевой. Ее все называли белой цыганкой. Она пела всегда цыганские романсы, хотя цыганкой не была. Родилась в Ростове-на-Дону, как я понимаю, в еврейской семье. Но тогда это скрывалось, и она, конечно, изображала москвичку, была большой модницей. На мой взгляд, она обладала потрясающим голосом, я очень люблю ее романсы. Слава к Изабелле Юрьевой пришла в столетнем возрасте. Моей маме она рассказала, что подделала паспорт, и когда ей исполнилось сто лет, то на самом деле – уже сто два, «но об этом никто не знает». Последний раз я ее видел лежащей, но она рисовала себе губы красным фломастером-маркером, чтобы они были несмываемы, потому что к ней приходил доктор. Раньше я часто бывал у нее дома, даже подарил ей магнитофон. К сожалению, у знаменитой певицы не было денег, чтобы купить себе кассетный магнитофон и слушать свои собственные песни. Я привез его из Японии в середине 1990-х годов и был счастлив, что могу сделать хотя бы такой незначительный подарок от поклонника, потому что, кроме этого, я ей не мог быть ничем полезен. Она жила в Трехпрудном переулке, в прекрасном интеллигентном доме, я бы сказал, в элегантной квартире, которая была вся обставлена антиквариатом, красным деревом и карельской березой. В спальне на фоне стен ярко-синего кобальтового цвета мебель ампир смотрелась очень хорошо. Было много ее портретов, множество фарфоровых тарелочек и чашечек стояли в горке, висели на стенке, выделялся очень красивый старинный рояль, покрытый шалью, великолепная столовая с хорошей мебелью...

Думаю, она была одинока, потому что жила только с племянницей. Но у нее были поклонники, ей много писали писем, и я помню, что Изабелла Даниловна мне хвалилась, что доходили даже письма с таким адресом: «Москва. Изабелле Юрьевой». Она многое помнила, пела и перед Сталиным. Рассказывала, что как-то поздно вечером позвонили к ней домой: «Говорят из Кремля. Вас просят приехать на выступление к Иосифу Виссарионовичу Сталину». Она решила, что все кончено, это арест, собрала личные вещи и отправилась туда с маленьким чемоданчиком. К счастью, это оказалось действительно выступление – после ужина тирану захотелось услышать певицу...

Изабелла Юрьева много рассказывала о Париже, потому что в 1920-е годы она ездила в Париж с надеждой там остаться. Кому этого не хотелось? Но все места были заняты. У Изабеллы Даниловны был один дефект, о котором мало кто знает: она была очаровательной женщиной, но сильно косила. У нее один глаз смотрел в Канзас, а другой – в Арзамас. И этот дефект был замечен в сравнении с другими настоящими цыганскими артистами, которые прекрасно пели в Париже в это время, я имею в виду Настю Полякову, Алешу Дмитриевича. Там был большой очень выбор, и она не прошла «кастинг».

Как я понял, она забеременела и даже неудачно родила в Париже, потому что рассказывала мне, помню, много раз про такси. Это было очень забавно. Она говорила: «Что здесь за такси в Москве? Ну прямо как в Париже во время дождя. Мы вот стояли в пробке, и я родила в такси».

Она всегда была очень подвижна. Однажды, когда я со своей мамой пришел к ней на чаепитие, вдруг воскликнула: «Что-то душно!» Вскочила на табуретку, открыла форточку, спрыгнула, села на стул и продолжала чинно пить чай. Девяносто восемь лет! Это меня поражает больше всего.

Тогда, в сталинскую эпоху, звезды участвовали в смешанных концертах, и она много выступала. Сейчас такие концерты тоже есть, но их гораздо меньше. А тогда танцы перемежались песнями, акробатическими номерами, фокусами, затем было очень много чтецов, юмористов и так далее. И часто с ней в концертах выступала балерина Суламифь Мессерер, приемная мама Майи Михайловны Плисецкой. Когда Майину маму арестовали и сослали в Казахстан, Суламифь Мессерер приняла Майю и воспитывала ее.

Суламифь жила в Лондоне, Изабелла Даниловна – в Москве, и они друг другу передавали через меня приветы и записки. Это было так трогательно, когда Беллочка меня спрашивала: «Ну, как Митта? Как она выглядит? А волосы седые есть?» Я говорю: «Вы знаете, я не могу вам сказать, она покрашена в черный цвет». – «А, это хорошо, это хорошо. А губы?» – «Красные губы, красные». Две приятельницы одного поколения, одинаковой сталинской закваски очень забавно разговаривали. Я знаю, что теперь в краеведческом музее в Ростове-на-Дону, куда передали многие ее личные вещи, платья и туфли, есть мемориальный зал Изабеллы Юрьевой.



Суламифь Мессерер



Суламифь Мессерер в балете «Баядерка», Москва, Большой театр, 1930



Клавдия Шульженко, 1953



Алла Тарасова, 1948

Судя по фотографиям, она была модницей испанского типа, любила мантильи, черные платья, какие-то сеточки. В жизни я общался с ней в ее девятидесятилетнем возрасте. Она одевалась тогда в сиреневые или лиловые кофточки из шотландской шерсти на маленьких жемчужных пуговках. Была маленького роста, метр пятьдесят, не выше, очень аккуратно, гладко причесана, с пучком. Компактная, очаровательная и очень компанейская женщина! Каждый раз готовилась к встрече, ждала, мне было очень приятно с ней общаться, и я счастлив, что в мою книгу вошли фрагменты из ее воспоминаний. Она рассказывала мне о том, что, как только заняли в 1940 году Львов, она поняла, что надо ехать за бриллиантами. И отправилась на передовую петь. В польском Львове можно было неплохо одеться; Изабелла вывезла оттуда в Москву польку-портниху, у нее были выкройки «Вогга», и как она рассказывала мне, «в то время я могла одеться так, чтобы затмить всех на сцене». Но в действительности это было очень трудно! Поймите, ведь в Москве даже не было Дома моделей до окончания войны. Как актрисам выходить из положения? Общесоюзный Дом моделей открылся на Кузнецком Мосту только после войны, а до этого был единственный дом, который назывался «Мосбелье».

Нотки Изабеллы Юрьевой я улавливал в исполнении Клавдии Шульженко. Это была потрясающая артистка с незабываемым голосом! К счастью, ее платья почти все сохранились. Находятся они в доме-музее Шульженко в Харькове, где есть даже комнатка, в которой она родилась. Сын Клавдии Ивановны передал эти туалеты в музей. Это очень странное место, некий дом-музей-сауна имени Клавдии Шульженко. Я понимаю, музей содержать не на что и поэтому они живут от сдачи в аренду кабин в сауне. Когда я посетил этот музей, директор, очень милый пожилой человек, сказал мне: «А сейчас, если хотите – по девочкам!» Я спросил: «В каком смысле?» В ответ он показал мне металлическую дверь, которая открывалась уже в сауну. Но платья были в хорошем виде.

Шульженко любила широкие платья, у нее было много нейлона. Я уже видел вещи более поздние, в основном это были длинные концертные платья, которые висели на вешалках. В расцветках – очень часто цветы. Думаю, что ей немало делал Слава Зайцев, потому что он одевал всех звезд эстрады. В более позднее время он создал, например, имидж Эдиты Пьехи, придумал ее знаменитый цветок.

Все актрисы, которые пережили сталинскую эпоху, могли бы нам много рассказать. Например, Алла Константиновна Тарасова всю жизнь скрывала тот факт, что ее родная сестра – белая эмигрантка. Тарасова была орденосцем, парторгом, а ее родная сестра жила в Париже. И поступила-то она в Художественный театр

только во время гастролей харьковской группы театра. Она присоединилась к ним очень поздно, долго была с ними за границей, вернулась в СССР, а могла остаться. В 1937 году МХАТ ездил на гастроли в Париж, возил спектакль «Анна Каренина», где она играла главную роль. И вот сестра захотела с ней встретиться. Как они условились о встрече, мы не знаем, но выглядело это так. Они шли вдоль тихой улицы по разным сторонам тротуара и только смотрели в упор друг на друга, пока улица не кончилась, потому что Алла Константиновна боялась потерять орден, место в театре, роли и, наверное, свою любимую партию.

Или взять судьбу Лидии Руслановой. Настоящая, от души, Богом созданная певица русской песни, с таким голосом! Ее и сейчас, в 2009 году, слушают. Уникальный голос, замечательные песни, и осуждена по лживому обвинению в антисоветской деятельности!

До сих пор наши соотечественники помнят и любят Янину Жеймо. Она была маленькой очаровательной полькой, начала свою карьеру очень рано. До революции работала гимнасткой в цирке и снималась в немых фильмах. Когда она получила свою звездную роль в «Золушке», ей было тридцать восемь лет! Конечно, шестнадцатилетнюю девочку в тридцать восемь она сыграла великолепно. Лучшей Золушки у нас не было, и мы были так рады ее взгляду... Затем она вернулась на родину, эмигрировав в Польшу. Я читал интервью с ней, когда она была уже пожилой женщиной. Она ничего не хотела говорить о кино. Сказала: «Да, в молодости я снималась, а сейчас это уже совсем неинтересно». Ее дочку тоже звали Яниной и внучку – Яниной.

Помню, как однажды у балерины Большого театра Светланы Щербининой, на дне рождения ее сына, я маленьким ребенком смотрю шараду, которую показывает Янина Жеймо. Шарада – великолепная. Она взяла свечку и закоптила сажей та-



Лидия Русланова, 1945



Янина Жеймо, 1947

релки снизу, и затем, погасив свет, зажгла ночничок и попросила детей с этими тарелочками повторять ее движения. Надо было пальцем проводить медленно по тарелке и затем по лбу, щекам, носу, пока мы окончательно не измазались в этой черной саже. А затем она зажгла свет и попросила всех подойти к зеркалу. Как мы хохотали! А у нее тарелочка была чистой, она оставалась прекрасной Яниной Жеймо, а мы, дети, были все как чертики.

Я думаю, что кино она бросила потому, что вышла из моды после смерти Сталина. После 1953 года, во-первых, ей было уже за сорок, а она ведь травести ростом метр сорок восемь! На какие роли, кроме маленьких девочек, она могла рассчитывать? Это участь всех травести – с возрастом они уже не могут больше играть, и им приходится, к сожалению, уходить на пенсию.

Я не могу сказать, что о Янине Жеймо много пишут или говорят, ведь прославилась она только в одной роли. Она была модницей, читала польские журналы, снималась в Чехословакии и тратила

немало денег на наряды. Всегда носила платформу, чтобы выглядеть повыше. У нее была очень модная шляпка от Эльзы Скиапарелли. В 1937 году Скиапарелли один раз приезжала в Россию и привезла немало вещей.

Я встречался с ней в 1964 или в 1965 году, когда был ребенком, и смотрел на нее как на богиню. Она мне запомнилась очаровательной, а в общении скромной и даже застенчивой.

Не всем дано быть прекрасной до старости лет. Некоторых людей красотой наградила природа, кто-то ее дорабатывает. Есть ведь разные способы сохранить красоту: у кого-то это искусственно получается, натянуто, у кого-то – естественно, интересно. Думаю, что красивая женщина – это умный взгляд. Конечно, фигура, волосы, цвет глаз много значат, и поведение, движение, голос играют огромную роль. Ведь красота уходит, а шарм остается. И надо думать о том, как сохранить этот женский шарм и очарование. А вот как сохранить шарм, я не знаю, это алхимический секрет.

Публицистика

Васильев Александр Александрович

Александр Васильев рассказывает...

Ведущий редактор И. В. Кулюкина

Художественное оформление: А. Б. Архутин

Компьютерная верстка: А. Н. Колганов

Корректоры О. В. Круподер, В. А. Нэй

Подписано в печать с готовых диапозитивов 15.05.2009

Формат 84x108/16. Гарнитура FranklinGothicBookC

Печать офсетная. Бумага мелованная.

Печ. л. 6,5 Тираж 7 000 экз.

Заказ №

ООО «Издательство «Этерна»

115477, Москва, Кантемировская ул., д. 59а

Тел./факс: 755-81-23

E-mail: info@eterna-izdat.ru

www.eterna-izdat.ru